

Омаршаева Эльмира Магомедовна

кандидат филологических наук, доцент,
преподаватель кафедры литературы народов России
Дагестанского государственного университета
umaalikhanva@rambler.ru

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ В ДАГЕСТАНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Аннотация:

В статье поднимается актуальная тема соотношения художественного вымысла и документальной правды в историческом произведении. Данное исследование затрагивает влияние соцреализма на способы интерпретации действительности в исторических романах дагестанских авторов, на соблюдение принципа историзма, роль исторического факта в создании героев произведений, а также различные подходы к изображению реальных и вымышленных персонажей и др. Анализируется также эпохальный конфликт как обязательный компонент дагестанского исторического романа. Научная ценность статьи состоит в качественно новой интерпретации принципа историзма в дагестанском историческом романе и неоднозначной оценке меры, соотношения и статуса правды и вымысла для названного жанра.

Ключевые слова: правда и вымысел, факт, документ, историзм, конфликт, эпохальный, прототип, народ, типический.

Интерес дагестанских прозаиков XX в. к исторической тематике был вызван стремлением художественно осмыслить глобальные перемены, связанные с Октябрем и Отечественной войной. Потому основу дагестанских исторических романов закономерно составляют реальные исторические события.

Правдивое изображение классовых и идеологических противников – необходимое условие реалистического искусства. Дагестанская проза достигла этого не сразу; как результат – схематизм, однобокое изображение событий и, наконец, искажение истории. Отчасти это эхо фольклорной эстетики с ее противопоставлением сил добра и зла, отчасти – примитивно-социологического подхода к изображению революции и гражданской войны. Но и в том, и в другом случае страдал принцип историзма.

Соцреализм обострил проблему соотношения правды и вымысла в исторических произведениях. Роман как жанр художественной прозы, в том числе и роман исторический, допускает, точнее, предполагает, вымысел, то есть авторское домысливание событий, не говоря об участниках этих событий. «Документ, исторический факт, свидетельства времени являются обязательной основой исторического романа» [1, с. 44]. Почти все, кто затрагивал эту проблему, едины в том, что основой исторического произведения является органичный сплав документальности и художественного вымысла, а соотношение вымысла и документ в историческом романе невозможно точно запрограммировать. Всё зависит от замысла художника, от его таланта, от документальной основы того или иного исторического события.

Анализ дагестанских исторических романов демонстрирует, что основные события, интересующие их авторов, – это революция и Великая Отечественная война.

Только в последние годы авторы обратились к древности, в частности А.П. Соловьев в романах «Рождение государства», «Сын Мариона». Время, в которое углубляется писатель, – эпоха государственного становления, борьбы за жизненное пространство и постоянных набегов, когда «ожидать нападения хазар было так же привычно, как ожидать наступления зимних холодов...» [2, с. 28]. В романах А. Соловьева проявилась такая тенденция исторической прозы, как интерес к событийной стороне, воссоздание реалий той или иной эпохи. У этого писателя довольно мало реальных исторических лиц, зато изображение Хазарского Каганата, становления его государственных институтов претендует на абсолютную адекватность. Автора интересует, прежде всего, историческая эпоха и те характеры, которые она могла породить. Большинство персонажей Соловьева вымышленные, зато описываемые события очень достоверны (не считая субъективной авторской интерпретации). И второстепенные, и главные герои находятся в самой гуще исторических свершений: их судьбы немыслимы без причастности глобальным социальным процессам.

Ведущие дагестанские писатели нередко обращались к революционной теме. Но решалась она как-то однообразно, шаблонно, как это требовалось официальной идеологией, то есть эти произведения страдали обзорно-декларативным пафосом.

Конечно, неправомерно оценивать литературу советской эпохи с сегодняшних позиций, но, к сожалению, во многих дагестанских романах прошлых десятилетий ложь, поддержанная официальным режимом, была возведена в ранг исторического факта, и таких примеров немало.

Имя Магомеда Хуршилова связано с развитием метода соцреализма в дагестанской литературе. Писатель в своем романе «Сулак – свидетель» воссоздает подъем национального самосознания горцев в эпоху революции через типические для эпохи и социальной среды образы. С исторической достоверностью он вскрыл в своем романе бедственное положение дагестанского дореволюционного аула, процесс отходничества, боль и гнев горцев и влияние русского пролетариата, направившего эту полудикую энергию в созидательное революционное русло. В качестве примера М. Хуршилов взял отдельный аул и отдельных персонажей, символизирующих дореволюционную жизнь всей дагестанской бедноты. Так, множество различных судеб, воплощенных в различных сюжетных линиях, предопределяется общественно-политической ситуацией, что придает роману подлинный историзм.

Роман Мусы Магомедова «Мечь» продолжает круг тем, затронутых в произведении «Сулак - свидетель». В романе «Мечь» границы событий приближены к современности. М. Магомедов в своих произведениях осветил советскую действительность, показав различные слои горского крестьянства, долгий путь их жизни с дореволюционной эпохи до Великой Отечественной войны.

Трилогия М. Магомедова наводит на мысль о том, что крупная романная форма, к которой часто прибегали дагестанские авторы, требует от писателя глубоко продуманной концепции действительности. Широта охвата действительности в таких произведениях должна сочетаться с глубиной социального анализа. «При всех своих достоинствах и очевидных просчетах многие крупномасштабные полотна дагестанских авторов (в том числе и трилогия Мусы Магомедова) не дотягивают до «нужных кондиций зрелости» в изображении динамики жизни» [3, с. 69]. В трилогии М. Магомедова проявились сильные и слабые стороны современного дагестанского романа, тяготеющего к многоплановости, к охвату значительных исторических событий на большом отрезке времени.

Описание историко-революционных событий у М. Магомедова существенно отличается от другой вышеназванной темы: писатель заметно сдержаннее и лаконичнее, чего требует сама природа происходящего. Можно констатировать, что в произведении М. Магомедова двум магистральным темам отведено два типа, два стиля повествования: публицистический и художественный. Соответственно, например, рассказ о том, как Временное правительство ввело в войсках смертную казнь и расправилось с демонстрантами в Петрограде за то, что они требо-

вали кончать войну, как меньшевики «пролезли» в Советы и какой они нанесли вред, облачен в форму суховатой событийной хроники, основная функция которой – двигать сюжет.

Сам ход жизни вынуждает людей участвовать в истории, творить ее. Одним из таких «творцов» является Махач Дахадаев. Писатель Ибрагим Керимов в свое время кропотливо изучал материалы о нем. В основу его будущего произведения легли события периода острой классовой борьбы, осложнившейся вторжением в Дагестан турецких интервентов. Этот первый опыт масштабного изображения историко-революционной личности не прошел бесследно, став толчком к созданию историко-биографических произведений, в которых очевидно стремление авторов к адекватному раскрытию героических образов революции и гражданской войны.

Магомед-Солтан Яхьяев является автором романа о жизни и революционной деятельности Джелала Коркмасова «В полдневный жар...».

Писатель М.-С. Яхьяев, как и И. Керимов, в своем стремлении строго придерживаться фактического материала предельно отстраняется от повествования. В его произведениях почти нет субъективных характеристик: он скуп, сухо излагает биографии революционеров, и его личную оценку выдает только их выбор в качестве главных героев. В романе при всем размахе изображения реальных событий широкая социально-историческая картина так и не была создана. Правильно изложенные исторические события создают лишь фон для биографии известного деятеля. В итоге перед нами не роман, а скорее политическая биография революционера Джелала Коркмасова.

Достоверность описываемых событий нами не может быть подвержена сомнению, однако отсутствие художественности выводит произведение из-под определения «роман». Жанровое определение пристегнуто к данному произведению без какого-либо на то основания. В романе, например, нет «романа», то есть любовной линии. Коркмасов изображен вне личной жизни и бытовых зарисовок: он помещен в эпицентр социальных потрясений и вне их не мыслится.

Сам автор свое произведение называет романом (документальным, социальным, политическим). Повествователь охватывает большой отрезок времени: события после окончательного установления Советской власти в Дагестане вплоть до 1937-го года. М.-С. Яхьяев тщательно изучил события гражданской войны, пользуясь при этом не только опубликованными материалами, но и архивными документами, воспоминаниями участников событий, личными впечатлениями от поездок в места, связанные с героями произведения, что позволило ему создать широкую панораму.

Стремление писателя зафиксировать как можно большее число событий, поданных к тому же в ущерб психологизму и более тонкому постижению действительности, к сожалению, привело его к описательности, упрощению, что, скорее, проистекает из личных представлений писателя о романисте-историке и стоящих перед ним задач. С.Х. Ахмедов отмечает, что «порой М.-С. Яхьяеву, как и некоторым другим дагестанским писателям, не хватает терпения обстоятельно передать диалектику души героя, описать быт и «мелочи» жизни... Писатель как бы торопится сказать, что было с героем дальше, особенно не заботясь о том, чтобы закрепить его образ в читательском сознании» [3, с. 212]. Как видим, желание автора быть предельно объективным историком объясняет низкую частоту его обращения к художественному вымыслу и погружения во внутренний мир героя, что может оцениваться в равной мере как достоинство и как недостаток в глазах тех или иных читателей и литературоведов.

«Освобождение от социологизированных стереотипов и клише, осознание неоднозначности мотивации поведения героев, необходимости многогранного изображения характеров и самой действительности свидетельствуют об известном сдвиге к более объективному изображению эпохи гражданской войны в художественной прозе народов Дагестана» [3, с. 72]. Но национальным авторам, в их числе и М.-С. Яхьяеву, не удалось полностью реализовать заложенный в новом подходе художественный потенциал. М.-С. Яхьяеву «как бы не хватает терпения разработать найденные им же золотиносные жилы реальной действительности. Событийная сторона подчас заслоняет задачи психологического анализа» [4, с. 57].

Можно свидетельствовать, что дагестанские авторы исторических произведений своим вымышленным персонажам подчас сообщают типические черты, максимально приближающие их к достоверности персонажей реальных; одновременно реальные герои изображаются в подобных романах в большинстве своем схематично, психологически немотивированно. Так что соответствие дагестанского исторического романа «правде жизни» не зависит от соотношения в нем вымышленных и реальных действующих лиц. Напротив, последние в изображении дагестанских авторов выходят, как правило, менее правдоподобными, чем придуманные; причина тому – требования соцреализма, в эпоху которого создавалось большинство исследуемых романов.

Таким образом, создатели дагестанских исторических романов, где главные герои – лица вымышленные, как правило, реализуют принцип историзма при создании определенной типологии исторически достоверных персонажей, а также при изображении событийной стороны описываемой эпохи. То есть произведения названных авторов никак не противоречат исторической правде притом, что и художественный вымысел используется ими весьма широко. В произведениях же, где в качестве главных героев выступают реальные прототипы, принцип историзма подчас понимается дагестанскими авторами утрированно: педантичное следование действительности умаляет критерии художественности, почти сводит на нет наличие художественно значимых обобщений, а также лишает образы исторических фигур психологической глубины, сводя повествование лишь к описанию внешней канвы событий.

Все вышеназванные явления – признаки того, что на начальном этапе развития исторические произведения дагестанских авторов характеризовались следующими чертами: вытеснением историзма характером историзмом событий, прямолинейностью и односторонностью характера героя и почти полным отсутствием психологизма, схематичностью построения фабулы, излишней социологизированностью, а также замещением подлинных конфликтных ситуаций шаблонным конфликтом, где главным злом предстает класс власть имущих. Это было связано с единой установкой писателей страны на линию партии и идеалы Октября и социализма, равноправия, интернационализма. А углубляться дальше этого в суть происходящего было просто нельзя. Кроме того, национальные авторы не владели таким материалом, которым располагали русские писатели к началу XX в., в то время как необходимо было создавать на местном скудном материале образ большевика. В результате главный герой подобных творений выходил поверхностным. Это шло от неумения адекватно отразить социально-политическую ситуацию и от того, что писатели еще не владели мастерством реалистических приемов, не умели глубоко проникнуть во внутренний мир человека, что не позволяло им создать полноценный исторический роман. Но и в этих условиях дагестанский исторический роман продолжал эволюционировать.

Критерий документализма со временем перестал быть главным жанровым признаком исторического романа вообще и дагестанского в частности, ибо увеличилось многообразие форм повествования. Большая же степень документализма стала характеризовать именно историко-революционный роман. Приоритетным стал не сам исторический материал, а отношение к нему автора как к историческому: историзм произведения стал определяться не столько присутствием в романе реальных лиц, сколько исторически достоверным, типическим изображением вымышленного; соотношение же реальных и вымышленных персонажей в дагестанских исторических романах варьируется, как и доля правды и вымысла в изображении реально существовавших лиц.

Ссылки:

1. Октябрьская О.С. Русский исторический роман 70–80-х годов XX века (проблема жанра): дис... канд. филол. наук. М., 1989.
2. Соловьев А.П. Сын Мариона. М., 1989.
3. Ахмедов С.Х. Художественная проза народов Дагестана. Махачкала, 1996.
4. Мурзагулова З.Г. Истоки и развитие башкирского исторического романа: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.